

Часть 1

ВСТУПЛЕНИЕ НА ПУТЬ ИСКУССТВА

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

В 1895 г. Рерих поступает в мастерскую Архипа Ивановича Куинджи – благодетельный оазис среди тогдашней Академии. Здесь веяло то бодрое чувство жизни, которым был богат сам учитель, здесь ценили самую живопись, здесь поощряли развитие, индивидуальности, позволяли затрагивать те темы, к которым чувствовалась склонность (Куинджи любил разнообразие замыслов). Рерих работает здесь много, но держится как-то в стороне других участников мастерской и особенно любит работать дома, так как работа «на людях» причиняла иногда истинные мучения (черта показательная для характера художника).

В мастерской Рерих пробыл до осени 1897 г. до того дня, когда А.И. Куинджи покинул Академию, а, вместе с ним, представив в Совет картины, ушли и все его ученики. (Академия всё же удостоила протестантов званием художника; Рерих его получил за «Гонца», «Утро» и «Вечер богатырства Киевского»).

К осени же был готов и «Гонец» (писался он летом, в сенном сарае, в Изваре, всегда дарившей столькими здоровыми, хорошими переживаниями). Этой картиной, появившейся затем на отчётной академической выставке, художник обратил на себя всеобщее внимание («Гонец» тогда же был приобретён П.М. Третьяковым для своей галереи) и громко, и ясно заявил о своей уже сложившейся «художнической особи».

В «Гонце», написанном широкими, густыми мазками (тёмно-зеленоватая река, тёмное небо, груда тёмных приречных построек, ярко-жёлтый месяц), Рерих выявил первоначальную формулу своего искусства и наметил дальнейший свой путь.

Прежде всего, Рерих – прирождённый живописец, об этом свидетельствует весь красочный наряд «Гонца», хотя и оставляемый далеко позади последующими открытиями и вдохновениями автора, но для своего времени представлявший интерес первостепенной новизны. С истинно-живописным чувством сопоставлены эти тёмные, густые колера и таким уместным к ним кон-

трастом звучит золотой кусок молодого месяца. Свежо найдены и общие очертания построек на берегу и посланцев, плывущих в челноке. Трогает и то лирическое чувство северной природы, что движет всё полотно – художник рассказывает о летней, может быть, близкой к осени, чуть сырой, притаившейся ночи, когда еле-еле журчит речная струя, берега молчаливы и таинственны и вся земля покоится в тишине. Эти ноты сближают картину Рериха с пейзажными холстами Левитана и его школы, в конце века создавших чудесный и единственный гимн скромной прелести русских лугов, рек и лесов. Третьим отличительным признаком «Гонца» будет то непосредственное и свежее чувство прошлого, что так поразило тогдашних зрителей и что вот уже долгие годы воодушевляет все работы художника. Его подход к старине весьма отличен от всех прежних приближений к ней... На полотнах Рериха не видно ни всем известных, увенчанных историей и легендой, героев, ни обычной подстроенности сюжета, ни театральной композиции, ни её неоправданной нарядности, словом, не видно всего того, на что так были падки многие русские исторические живописцы. Художнику открылось не прикрашенное и не ложное лицо старины – открылось во всей своей здоровой, древней и сильной истине.

Острым взглядом увидел художник долины и холмы, расцветшие сотни лет назад, леса крепкоствольные и людей тогдашних, безликих, «сросшихся» с деревьями и лугами, и непобедимых этим... Посмотрите, как неожиданно и «истинно» изображён «Поход» (1899 г.) - по холмистой русской равнине, ещё покрытой снегом, поздним вечером, медленно движется крестьянская рать, движется нестройной «разбившейся» толпой, поднимаясь ленивым потоком на холм.

Подобное построение исторической композиции было столь чуждо пониманию современников, что даже поклонник русских тем, как Стасов, обрунил в «Новостях» такие строки: «Жаль только, что все к зрителю спиной, и притом почти все опустили головы, словно от меланхолии, и глядят себе под ноги, ни у кого не видать никакой храбрости, мужества или хоть бодрости. Ведь кажется, их никто на войну плетью не гонит».

Те же новые голоса звучат и в холсте предыдущего года «Старцы сходятся» - в глухой предзакатный час, у священного дуба, сошлись предводители родов решать судьбы «своих людей»... В сумраке не видно лиц, не видно никаких «развлекающих» деталей и вся картина полна сгущённого, чуть жуткого настроения. Примечательно и её письмо – тёмные, широкие, как бы небреж-

ные мазки, набросанные с импрессионистическим чутьём (в этом смысле очень показателен эскиз картины, находящийся в собрании А.А. Коровина)

В колористическом отношении очень интересна и небольшая темпера 1899 г. - «Спас Нередицкий в Новгороде» (до реставрации), где так красиво сопоставление тающего снега, розовых стен церкви и мартовского вечернего неба.

Все эти три картины являются частью обширного задуманного тогда художником, цикла «Начало Руси. Славяне», посвящённого возвеличению наших предков. Первым звеном являлся «Гонец», затем «Сходятся старцы» и «Поход» и, наконец, позднейшие «Зловещие» и «Город строят».

Той же проповеди значительности родного прошлого посвящены и первые шаги общественной деятельности молодого художника (1897 – 1899 гг.) - он помещает статьи по вопросам искусства и старины в «Записках Императорского Археологического Общества», «Искусстве и Художественной Промышленности», «Новом времени» и «С.-Петербургских Ведомостях», читает лекции в Археологическом Институте (показательна их тема - «Применение искусства в археологии»; должно отметить и его университетское зачётное сочинение «Художники древней Руси»; университет художник окончил в 1898 г.); производит раскопки в Новгородской и Псковской губерниях.

И здесь, в этом царстве Археологии, издавна считавшемся царством скуки и застоя (даже самое слово «археолог» сделалось словом ироничным, а иногда и злым), Рерих проявляет себя всегда живым, искренно воодушевлённым поэтом: «Щемяще приятное чувство первому вынуть из земли какую-либо древность, непосредственно сообщится с эпохой давно прошедшей. Колеблется седой вековой туман; с каждым взмахом лопаты, с каждым ударом лома раскрывается перед вами заманчивое тридешатое царство; шире и богаче развёртываются чудесные картины».

«Сколько таинственного! Сколько чудесного! И в самой смерти бесконечная жизнь!». («На кургане» 1899 г. - Н.К. Рерих. «Собрание сочинений», кн. первая, М. 1914 г., стр. 14-24.)

«Поэзия старины, кажется, самая задушевная. Ей основательно противопоставляют поэзию будущего; но почти беспочвенная будущность, несмотря на свою необъятность, вряд ли может так же сильно настроить кого-нибудь, как поэзия минувшего. Старина, притом старина своя, ближе всего человеку*)¹»...

Вот несколько строк, хорошо вводящих в «старинопонимание» Рериха-археолога. Движимая такими настроениями развивалась археологическая, весьма продуктивная и в научном смысле, деятельность его.

Монографии С. Эрнста «Н.К. РЕРИХ» здание Общины Св. Евгении. Петроград, 1918 г.

3*) «По пути из Варяг в Греки» 1900 г., там же, стр. 47.

1898 год

2 января 1898 г.

ХРОНИКА Московские вести

Третьяковская галерея обогатилась новыми картинами В.Е. Пурвита, Н.К. Рериха и Ф.Э Руцица.

Варшавский дневник. 1898. 2 января. № 2.

16 января 1898 г.

Отделение русской и славянской археологии Императорского Русского археологического общества в 1898 году

Протокол заседания Отделения 16-го января 1898 года

Под председательством С.Ф. Платонова присутствовали: Е.М. Бибиков, граф А.А. Бобринский, Н.И. Веселовский, В.Г. Глазов, В.Г. Дружинин, А.В. Комаров, А.Н. Неустров, В.Н. Поливанов, М.А. Полиевктов, С.Л. Пташицкий, Н.К. Рерих, А.Г. Туманский, Н.В. Султанов и К.А. Хрещатицкий.

.....

III

Н. К. Рерих, напомнив о старых вопросах местной археологии, указанных в прошлом сообщении* [*см. протокол заседания Отделения 19 сентября 1897 года в предыдущем томе «Записок»] и восстановив подробную картину составления археологических работ в С.-Петербургской губернии, познакомил собрание с раскопкою минувшего лета, произведённою г. Мальмгренем в с. Новая Буря Петергофского уезда, и указал на необходимость сравнения местных древностей с древностями Прибалтийскими, уже хорошо разработанными и представляющими большое богатство и разнообразие. Были указаны соответствующие раскопки Эстляндии, Лифляндии и Курляндии, причём тип курганов везде, за малыми исключениями, был аналогичен типу насыпей С.-Петербургской губернии; подтверждением предположений явились курганы о. Эзель и Мон. Общие выводы следующие: курганный тип постоянен не только в С.-Петербургской губернии, но и в Прибалтийском крае; от будущих разысканий водских курганов новых типов ожидать нельзя; отличие водских курганов от новгородских будет лишь в незначительных деталях; можно ожидать в земле води находки грунтовых погребений; на какие-либо интересные находки предметов древности рассчитывать трудно. Граф А. А. Бобринский заметил, что характерные для Прибалтийского края фибулы с цепочкой отсутствуют в С.-Петербургской губернии. А. А. Спицын объяснил это вообще очень небольшим числом фибул и в Прибалтийском крае, а С. Ф. Платонов указал и на то, что ни один из известных торговых путей древности не пролегал в пределах территории раскопок.

IV

Н. К. Рерих показал опыт скульптурного (из глины) изображения погребения и указал на удобство подобных моделей и необходимость применения их на практике: описание, рисунок и лепное цветное изображение дадут действительно полную картину раскопки.

Записки Императорского Русского археологического общества, 1899. Том XI. Вып 1-2. С. 392 – 394, Публикуется по изданию: Николай Рерих в русской периодике, Выпуск 1. СПб. 2004.

21 января 1898 г.,
Письмо Н. К. Рериха к С. Ф. Платонову

Глубокоуважаемый Сергей Фёдорович!

Простите, что даром побеспокоил Вас своими вопросами; - ибо мои добрые (а может быть, и недобрые) желания держать экзамены в исторической комиссии не исполнились - все родные, знакомые, мой учитель Куинджи - все восстали против такой затеи, так что мне пришлось уступить и снова вернуться к постылым правовым учебникам и наглухо набивать голову статьями. Придётся сидеть и денно и ночью — экзамены на носу.

Хотелось бы мне очень воспользоваться Вашим любезным приглашением на Среду, но, как это для меня ни соблазнительно, всё же придётся пока отложить — это будет одна из репрессивных мер, принятых мною для сосредоточения на юридических предметах.

Даже должен уничтожить на время не юридическое чтение и сочинение эскизов — иначе в апреле произойдёт моё полное посрамление.

Всего Вам хорошего, глубокоуважаемый Сергей Федорович.

Предан Вам крепко и всегда готов к услугам Вашим. *Николай Рерих.*

Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки в СПб. Ф. 585, д. 4016, л. 2.

АПРЕЛЬ

1 апреля 1898 г.

**Императорская Археологическая Комиссия
в Императорский Российский Исторический музей**

СПб. 1 апреля 1898 г.

Препровождаем при сём для коллекций Императорского Российского Исторического музея две модели курганов Петергофского уезда, исполненных в 1897 г. художником Н.К. Рерихом, Императорская Археологическая Комиссия имеет честь покорнейше просить уведомить её о получении их. Одна из моделей изображает курган с трупосожжением, другая – курган с погребением трупа в сидячем положении, на кострище.

Председатель Граф А. Бобринский
Делопроизводитель Илья Суслов

Отпуск отношений № 516. РА ИИМК, указ. д., л. б.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара, 1999.

8 апреля 1898 г.

Письмо Н. К. Рериха к С. Ф. Платонову

Христос Воскрес!

Многоуважаемый Сергей Федорович.

Простите, что пишу, тогда как должен был бы придти лично, но чувствую себя настолько скверно, что боюсь: приду и разревусь как баба.

Экзамен через 3 дня, а, как оказывается, знаю предмет я из рук вон плохо и недобросовестно. Если я провалюсь мне одно останется – переключиться на исторический – юристики более сдавать не буду.

Простите, что беспокою Вас, но черкните мне пожалуйста строчку: можно ли это будет сделать на следующих комиссиях.

За год я овладею историческим курсом, тем более, что уже обладаю некоторой к нему подготовкой и придётся иметь дело с вещами, которые наполняют мою жизнь. Так что действительно можно показать некоторое развитие в данном отношении, а не шарлатанить.

Зачтётся ли мне юрид. курс? Можно ли надеяться?

Ради Бога простите, что бессовестно злоупотребляю Вашею всегдашнею любезностью и отзывчивостью.

Если бы Вы были так добры, и я получил бы ответ Ваш в Субботу или Воскресенье, это было бы мне чрезвычайно важно.

Настроение и состояние < > моё более, нежели скверное.

Уважаю Вас глубоко и предан Вам крепко

Николай Рерих.

98. СПб.

В. О. Университетская набережная д. № 25 кв. 8.

Отдел Рукописей Российской национальной библиотеки в СПб., ф. 585, д. 4016, л. 34.

Из воспоминаний З. Фосдик:

«На государственном экзамене по уголовному праву Рерих чуть не провалился, виной всему было излишнее волнение, всегда подводившее Н. К. Рериха на экзаменах. Зинаида Фосдик в своём дневнике записала рассказ Николая Константиновича об этом испытании:

«Экзаменовали двое: Файницкий и Ванновский, последний — ужасный зверь. Николай Константинович как-то высчитал, что его будет экзаменовывать первый, и совершенно успокоился. Но вдруг, о ужас, оказалось, что его экзаменует Ванновский. „Тут... мой ум перепутался. Подхожу, вынимаю билет, чувствую, что ничего не знаю, и говорю ему:

— Я экзаменоваться не буду.

Тот говорит:

— То есть как это, ведь это государственный экзамен!

— А я всё-таки экзаменоваться не буду.

Тот посмотрел на меня и говорит:

— Вы здесь будете у меня так долго сидеть, пока не ответите.

Я обиделся и сел. Вначале он экзаменовал других, и я совсем и не слушал, потом у меня появилось желание им помочь в ответах, а после экзамена пяти людей он обращается ко мне и говорит:

— Ну что, будете отвечать теперь?

— Буду.

Ну и прекрасно ответил по всем вопросам. Тот, хотя и зверем был, но понял моё состояние в тот момент“».

Публикуется по изданию: З. Фосдик. «Мои Учителя». С. 95–96.

МАЙ

*Май 1898 г., СПб.
Заявление Н.К. Рериха*

*В Императорскую Археологическую Комиссию
От
Художника Николая Константиновича Рериха*

Заявление

Известившись о некоторых новых пунктах, требующих осмотра и по всей вероятности раскопок (в пределах моих прежних археологических разысканий), имею честь покорнейше просить, по примеру последних лет, выдать мне открытый лист на право производства раскопок в пределах Сосницкой волости, Царскосельского уезда и Петергофского уезда.

Николай Рерих

Васильевский Остров.
Университетская набережная, 25.

Автограф. РА ИИМК, ф. 1. № 117/1898, л. 1.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара, 1999.

ИЮНЬ

*1 июня 1898 г. Извара.
Прошение Н.К. Рериха
в канцелярию Императорской Археологической Комиссии.*

Не имея возможности в скором времени приехать в Петербург за открытым листом, покорнейше прошу канцелярию Императорской Археологической Комиссии выслать мне открытый лист пакетом по адресу: Балтийская железная дорога. Станция Волосово, Мыза Извара. Николаю Константиновичу Рериху.

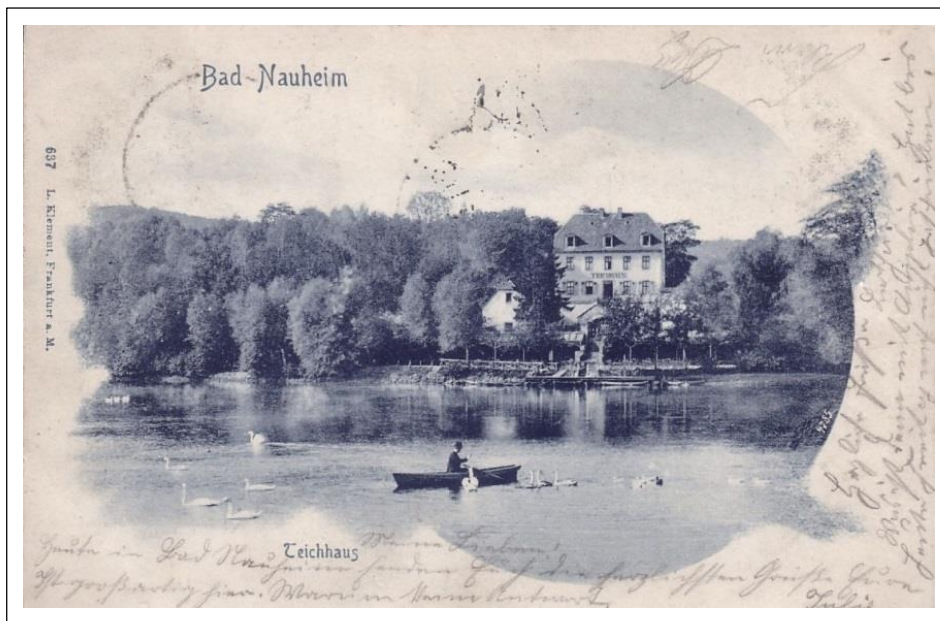
С почтением

Николай Рерих

Извара. 1/VI 1898.

Автограф. РА ИИМК, указ. д. л 41.

Публикуется по изданию: Петербургский Рериховский сборник. II-III. Самара, 1999.

Bad Neuheim.
(Открытое письмо 1899 г.)

23 июня/ 5 июля 1898 г. Bad Neuheim.
Открытое письмо В.В. Стасова к Н.К. Рериху

Bad Neuheim
Вторник 23 июня / 5 июля 98.

Вот как поздно, наконец, собрался я к Вам написать, Николай Константинович! Что делать, не моя вина!! В Берлине я пробыл мало, всего 1 ½ дня, в Париже 10 дней, и всё в великих работах, то читал, писал и смотрел (последнее в персидских и тюркских рукописях, откуда Вы увидите у меня, осенью в Публ. б-ке, удивительные копии с Тамерланом, его женами и двором чего я никогда ещё не видал, даже в Лондоне!!), подыскивал разных старых и новых знакомых, от которых получал множество сведений для будущих работ, художественных и иных, читал чёртову пропасть газет всех оттенков (всё это читал в постели, рано утром, либо поздно вечером, а то иначе некогда было!), наконец, проводил время на выставках и у Антокольского в семействе, да вдобавок писал кучу писем домой и родным - вот, значит, опять не приходилось писать на Извару.

Наконец, приехал сюда, и тут принялся за настоящее своё писание и скоро послал в "Новости" две больших статьи, из которых одна и напечатана там 14-го июня, а другая печатается там, вероятно, сегодня, 23-го (мне недавно прислали сюда корректуру). Я так усердно и настойчиво писал их, что даже целый день не выходил со двора, и до вечера не ел!

Ну-с, кроме того, опять писал пропасть писем в Петербург, в Москву, в Казань, в Париж, Лондон, многие разные места Германии – всё это ответы на разные скорые дела, вопросы, запросы и т.д. Да, вдобавок ко всему этому, начал писать свою КНИГУ, помните, я давно Вам рассказывал про неё? И написал уже там кое-что.

Гуляю только по вечерам на террасе Кургауза, или у Лебединого пруда, и то только с 8-и до 10 ч. вечера, а то, пожалуй, геморрой сделается от сиденья!

Читал я здесь тоже ужасно много – всё приготовления к моему предмету! Мои комнатки здесь (обе очень веселенькие, одна с балконом на главную аллею парка) настоящий кабинет библиотечный – так много книг, и вся этажерка, и весь стол наполнен стоящими и лежащими книгами, бумаг тоже кипа, - у меня даже есть 4 громадных тома лексикона Ларусса, помните, Вы видали у нас в б-ке!

Вот как у меня идёт время! Событий – никаких! Читаю да пишу, пишу да читаю, да для диверсии болтаю на променадах по террасам с цветами – немало русских. Правда, была ещё одна диверсия: в Воскресенье смотрел в большом зале Кур. Гауза, освещённого электричеством, словно наше Дворянское Собрание, - смотрел, кого Вы думаете? Фокусника, украшенного словно Скобелев или великий Князь какой-то, множеством орденов, звёзд и медалей (откуда он всё это набрал - один чёрт знает!!) И было всё премило и пречудесно! Само собою разумеется, из маленького портмоне у него вдруг выскакивали огромные длинные палки с флагами, из небольшой чьей-то шляпы из публики он вдруг выматывал аршин 100 тесёмок, сцеплял их и в 10-и саженьях от него, вдруг повисали на зеркалах часы, взятые у кого-нибудь из нас, в зале, и т.д., и т.д., как быть следует – и мне это полезно было смотреть, смеяться и хлопать, потому что голова начала побаливать от натуги и работы. – Ну-с, вот это всё я.

Теперь спрашивается, что Вы-то? Кто и что? Как живёте и что делаете, и что выдумываете и что задумываете? И много ли всякого славянства навывдумывали? И много ли удалось? Авось напишете, и даже поспеете сюда! Думаю пробыть здесь ещё недели 1 ½, или даже 2, этак, до 5-6 июля, нашего; жду сюда ещё и некоторых русских знакомых!

А вот, слышали ли Вы, или читали, что Репин всё-таки поехал в Палестину, делать этюды местности для своей картины: “Искушение Христа дьяволом”. Ведь не удалось, все ему это говорили, и он сам сознавался – однако всё-таки упорно поехал! Но тут что случилось: раньше Одессы у него вытащили 2000 рублей из кармана – не знаю, как он дальше продолжал дорогу.

Вот это одно художественное событие, а вот ещё другое. “Декадентский староста”, т. е. Дягилев, напечатал в “Петербур. Газете” (ещё 25 мая, не видели ли Вы?) почти манифест, где рассказывал, явно для художников, кто пожаднее и позагребастее, что у их журнала = 100 000 рублей, а для публики (и главное, купцов), что журнал их будто национальный художественно-промышленный, и от сих пор начнётся поворот в нашем искусстве, которое давно «неудачно», а теперь сделается удачным и хорошим, и известным всей Европе. Что, худо?! Кажись, мне всю осень и зиму придётся вести жестокую битву и производить великие сражения. Авось и Вы будете участвовать с нами в битвах? Пишите же.

Ваш В.С.

Отдел рукописей ГТГ, ф. 44/1321, 2 л.